

«Возраст осени» – совместный с Анатолием Мартыновым сборник. «Переулки лета» и «Мелодии зимы» – мои авторские. Отдельные сочинения вошли в альманахи: «Дуновение дюн», «Балтийские зори», «Российский колокол», «Берега», «Созвездие»; в журнал «Берега», в международные сборники: «Сестра моя Литва», «Цветик-многоцветик», «На что похожа любовь»; в антологию «Писатели Липецкого края. XXI век». В штате Атланта выходит русскоязычный журнал «Сова», в котором опубликован мой «Праздничный сухарик», а венок сонетов «Урок дорог» напечатан в белорусском журнале «Метаморфозы».

В Калининграде издана «Энциклопедия авторов журнала “Берега”». Нашлось в ней и для меня местечко. Сочинительские мои усилия отмечены медалью имени Евгения Замятина.

ПРАЗДНИЧНЫЙ СУХАРИК

Июльским зноем сумерки пронизаны,
Торшер уютно примостился у окна.
Я хронику смотрю по телевизору:
Фрагменты фильма *«Неизвестная война»*.

Сквозь боль и гнев,
проклятия и стоны,
Под свист метелей
и под завыванье бомб
Идут, идут, идут
на Запад эшелоны,
Битком набитые
награбленным добром. –
Так опьянённый кровью
гитлеровский сброд
Родным подарки шлёт
на Новый год.

И город на Неве – в тисках блокадной смерти –
Назло войне
устроил праздник детям.

Бомбоубежище для них на время стало
Нарядным и волшебным новогодним залом.
Сам Дед Мороз под ёлкой для них
Подарки разложил в пакетах расписных.
Девчушка лет пяти
ручонкою несмелой

Сухарик достаёт – невзрачный, подгорелый.
И – радостью лицо ребёнка просияло.
А мне щемящею тоскою сердце сжало.
Ни успокоить страшной боли, ни унять:
В тот год моей дочурке тоже было пять.

...Когда с экрана кто-то – «милосердный»
слишком –
Вещает, что фашистов проклинают зря,
Я сразу вспоминаю ленинградскую малышку,
Чьи глазки счастьем вспыхнули при виде сухаря.

ЭСТАФЕТА ЛЕТА

Немало встреч и расставаний
В судьбе у каждого из нас.
Мне вспомнилось одно прощание –
О нём поведаю сейчас.

Была июльская пора,
На воды лёг вечерний свет.
Я был на берегу Днепра,
И было мне двенадцать лет.

И я тогда увидеть смог,
Как от закатного накала
К моим ногам наискосок
Дорожка жаркая упала.

В переплетение лучей
С дубравным белорусским ветром
Без боли из груди моей
Скользнуло что-то незаметно.

Так детство по речной волне
Ушло безмолвно, не простясь.
Так юность не пришла ко мне,
А просто тихо началась.

ШЕЛЕСТЯЩЕЕ БЕЗМОЛВИЕ

Над гладью Куршского залива
Застыли дюны молчаливо.
Но знают все давно и точно,
Что их безмолвие непрочно.

Чуть ветер с моря набегаёт,
Гиганты сразу оживают
И под мелодию прибора
Ведут беседу меж собою.

Как будто шелестят страницы
Раскрытой кем-то древней книги.
И хочется с природой слиться.
И – задержаться в этом миге.

МОРСКОЙ ХМЕЛЬ

Вот сядешь вечером у моря,
Рифмуешь строчки на просторе
Да так хмелеешь от пейзажа,
Что и вина не надо даже.

РАССКАЗ У КАСС

Я расстаюсь с Калининградом.
Он другом стал моим и братом.
Моим успехам он без лести
Со мною радовался вместе.

Он в беспросветно злую пору
Мне был надеждой и опорой.
Он ясным днём и ночью зыбкой
Умел прощать мои ошибки.

Он без намёка на претензии
Учил меня азам поэзии,
Вознаграждая за терпение
Высокой тайной вдохновения.

Когда в его бывало власти,
Дарил мне подлинное счастье.
За строгую заботу эту
Платил я тою же монетой.

Друг друга в краткости суровой
Мы понимали с полуслова,
Чураясь пышных фраз восторженных –
Как двум мужчинам и положено.

...Но диалог наш тише, тише,
Но день урочный ближе, ближе.

Прощаясь, я возьму с собой
Балтийский сдержанный прибой;
Я увезу простор крылатый,
Зеленоградские закаты
И светлогорские рассветы,
Что бродят в переулках лета.
Со мною будут постоянно
И шелест дюн, и шквал каштанов.
Пускай же помнит и Атлантика
Неисправимого романтика.

А мне безмерно дорог
город,
Что другом стал моим и братом.
Я расстаюсь с Калининградом.

ВОЗРАСТ ОСЕНИ

Безумная, тревожная,
Ужасно безнадежная;
Мучительная, вздорная,
Но всё же благотворная;
Слепая, безответная,
Но чистая и светлая –
Любовь моя осенняя.
Скорей всего – последняя.

ЭСКИЗ ПОД БРИЗ

Чёрное море. Июльское утро.
В скалах ютятся остатки прохлады.
Пляжи пустынные в такие минуты,
В травах ещё не проснулись цикады.

Чёрное море. Расплавленный полдень.
Солнце бичует горячие спины.
Вязкой дремотою скованы волны,
В них грациозно резвятся дельфины.

Чёрное море. Лирический вечер.
Кутает мгла кипарисы и пальмы,
Лёгкий прибой что-то смутно лепечет,
Горные склоны в тумане пропали.

Чёрное море. Безлунная полночь.
Небо мохнатые звёзды колышет.
Сонный простор безмятежности полон;
Краски всё сдержанней, звуки всё тише.

Здесь не терзают морозы округу,
Здесь паруса с непогодами спорят.
Сердце я, может, и отдал бы Югу,
Если б Балтийского не было моря.